

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский героический эпос самобытен и самоценен, в нем в полной мере воплотился героический дух нашего народа. В наших древних эпических песнях изначально предстала сила и красота русского слова. В них народ выразил свои идеалы.

Как утверждает известный фольклорист В. Я. Пропп:

«Эпос любого народа всегда состоит только из разрозненных, отдельных песен... народ никогда не создает эпопей... Эпос создается для пения, а не для чтения... Эпопея не соответствует внутренней системе фольклора... Подлинный эпос всегда состоит из разрозненных песен, которые народом не объединяются, но представляют собой цельность». («Калевала в свете фольклора»).

Однако эпопеи создаются и не могут не создаваться. Эпос становится литературой. То, что существовало только в устном исполнении народных певцов, обретает новую жизнь в чтении. Национальное самосознание не может удовлетвориться одним только устным творчеством и выражает себя в форме письменной, в форме эпопеи, большого, цельного литературного произведения. «Илиада» и «Одиссея», «Песнь о Роланде», «Песнь о нибелунгах», «Махабхарата» и «Рамаяна», «Шах-наме», «Сказание о Рустаме», «Калевала» и т. д. Так исторически сложилось, что русский героический эпос не стал цельной эпопеей, из его песен и преданий не было создано литературное произведение с единым повествованием (что, конечно, нисколько не умаляет его достоинств в сопоставлении с эпосами других народов). Русский героический эпос в основном дошел до нас в исполнении народных певцов-сказителей в виде отдельных былин, не объединенных

общим сюжетом. Большая часть былин была записана только в девятнадцатом веке. Впервые русский народный эпос был открыт как таковой с выходом в свет знаменитого сборника Кирши Данилова. До этого былинный эпос письменно существовал только в редких записях, прозаических пересказах, лубочных переложениях и переделках в воинские повести. Древнейшая запись русских эпических песен сделана в 1619—1620 гг. для англичанина Ричарда Джеймса.

Предпринимались и у нас неоднократные попытки придать своду русских былин композиционную цельность и единство сюжетного повествования. В. П. Авенариус, Л. И. Поливанов, Н. В. Водовозов. Брались за эту задачу и поэты. Намеревался создать на основе былин единое цельное произведение Николай Заболоцкий. В своей статье «О необходимости обработки русских былин» он писал:

«Мысль об отборе наиболее целостных текстов — дело не новое. Эти мысли появились еще во времена собирания былин, о критическом отборе их мечтал еще Гильфердинг. Былины пытался обрабатывать Л. Н. Толстой и многие другие писатели. Необходимость отбора и обработки былин диктуется следующими соображениями:

1. Наши былины записаны собирателями на разных стадиях распада старинного народного творчества, в многочисленных и часто противоречивых интерпретациях их сюжетов. Многие тома этих записей, представляя собой богатейший материал для науки, недоступны для рядового читателя, который, естественно, хочет иметь единый цельный художественный текст.

2. В силу исторически сложившихся обстоятельств наши северные крестьяне-сказители привнесли в былинный язык многие диалектизмы своего края. Эти местные речения и обороты противоречат общенародности наших былин и затрудняют их чтение.

3. Былинный стих, будучи записан на бумагу, из явления музыкально-вокального стал явлением писаной литературы. Известно, что в живом исполнении сказителей он звучит как стих чисто тонический, а в записи часто превращается в “рубленную прозу” (Гильфердинг). Кроме того: множество мелких вставных бессмысленных словечек (то, ти, ка, ва, нунь, и пр.), которые вставляются певцами для размера, в писаном тексте необычайно затрудняют чтение, препятствуя естественному движению речи.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, приводят к странному положению, которое хорошо охарактеризовал проф. Водозов. Он пишет: “Получается совершенно недопустимое положение, когда даже высококультурный читатель в нашей стране, отлично знающий «Илиаду», «Одиссею», «Песнь о Роланде», «Калевалу» и другие народные эпосы, почти не знает великолепного эпоса русского народа”.

В наше время интенсивного роста народного самосознания и новой международной роли русского языка дело организации народного эпоса в единое художественное целое следовало бы считать делом общенародного и государственного значения. Создание народа — русские былины должны быть возвращены народу в художественно целостном виде...

Мне кажется, работу над былинами должен выполнить художник слова, поэт, имеющий достаточную научную подготовку и хорошо знающий язык своего народа. В основу его работы должны лечь следующие соображения:

1. Наши былины не представляют собой единого композиционно цельного произведения, хотя многие из них сюжетно связаны между собою. С этим обстоятельством надо считаться. На основе былин можно написать самостоятельное единое произведение, но превратить народные былины в целостный единый свод нельзя. Былины должны оставаться былинами.

2. Каждая из них, в отдельности взятая, должна быть обработана в части содержания на основании отбора и сличения всех записей данного сюжета. Нередко бывает так, что отдельные ценные мотивы сюжета сохраняются только в разрушенных образцах, в былинных сказках, утеревших стихотворный размер. В этих случаях ценный мотив должен быть возвращен в былинку. По своему содержанию каждая в отдельности взятая былина должна быть художественно целостным произведением.

3. Язык должен быть безусловно очищен от диалектизмов. Он должен сохранять свой народный характер во всем его богатстве, должен быть выдержан в былинном стиле и свободен от новейших особенностей литературной речи.

4. Стих должен быть тоническим, былинным, легко читаемым, свободным от вставных словечек. Здесь потребуются смелая и сложная работа художника-поэта.

Воссозданные таким образом былины могут стать действительным достоянием народа, но уже не как произведение вокального творчества, а как произведение книжной общенародной литературы».

В приведенном мной фрагменте статьи Заболоцкий подробно изложил суть задуманного им труда. Эти соображения не потеряли свою актуальность, они остаются в силе; сейчас они могут звучать своего рода завещанием. Соображения эти вдохновили меня попытаться осуществить то, что Заболоцкий в свое время сделать не смог.

В своей работе я старался сохранить не только подлинный дух русского народного героического эпоса, но и сам народный язык во всей его неподдельной свежести, красочности, самобытности, яркой образности, такой, как он вышел из уст певцов-сказителей. Также моим принципом в работе было сохранить в неприкосновенности всю выработанную веками поэтику русского эпоса, особую ритмику и исключительную певучесть, которой отличаются

наши былины. Разумеется, вся красота и магия устного, песенного исполнения при литературной передаче утрачивается; особый былинный напев средствами литературы не передать и ничем не восполнить. Но литературное, письменное исполнение в отличие от устного имеет свои требования. Эти требования: работа с написанным словом. Записи былин с живого голоса требуют предельной точности. Но «эпос создается для пения, а не для чтения». Поэтому с литературной точки зрения для чтения он зачастую не совсем пригоден и приходится переводить его в читаемый вид (о чем и пишет Заболоцкий в своей статье). Таким образом, у меня была непростая задача: сделать из записей былин их литературное переложение, при этом стараясь максимально сохранить их в том виде, как они есть, с их живым устным звучанием, поэтикой и языком. За образец я взял сборник Кирши Данилова, в котором такая работа как раз и произведена. Эту особенность сборника отметил Б. Н. Путилов:

«Тексты освобождены от типично песенных элементов — повторов, обрывов, подхватов, вставных слогов и т. п. Песня в записи Кирши Данилова превращается в стихотворение. ... У составителя были гораздо более серьезные и важные цели. Он создал книгу, которая могла бы служить (и служила, вероятно) и песенником, и прежде всего материалом для массового чтения... “Сборник Кирши Данилова” правильнее всего можно определить как своеобразную народную книгу, рассчитанную на самого широкого, массового читателя XVIII века».

Из всех изученных мной записей былин (а их известно на данный момент более трех тысяч) я выбрал, на мой взгляд, наиболее совершенные варианты, и на их основе сделал свой сводный вариант. Всего 70 былин. Народные сказители называют их старины, с ударением на первом или втором слоге. Такое название принято и мной. Всему русскому героическому эпосу я дал

название «Сокол-корабль», образ, встречающийся в былинах. Сокол — древнерусский государственный герб. Это герб Старой Ладogi, первой столицы древней Руси, герб Рюрика. Корабль — сама Русь, наша Россия и ее плавание в мировой истории.

Но главное, что надо было сделать, — это найти объединяющую идею, по которой выстроить единый сюжет, создать композицию цельного повествования. В былинах эта идея уже выражена самим народом — в героических образах русских богатырей. В былине «Илья Муромец и Калин-царь» Илья Муромец обращается к своим побратимам из богатырской дружины с призывом: «Постойте вы за веру, за отечество!» В другой былине он говорит:

Уж вы удалы добры молодцы!
Постоим-ка мы за веру христианскую
И за те же за храмы Божии,
Постоим за Русь кровью своей горячею.

Русский героический эпос создавался в тяжелые для народа времена. Русь всегда была в опасности, всегда под угрозой нападения. Вот и требовались богатыри — защитники родной земли. При этом в нашем эпосе повествуется о непрерывных пирах князя Владимира. На этих пирах происходят завязки разных историй и приключений: сватовство, добыча жены, состязание, соперничество, поединки, коварные измены, борьба с чудовищами и чародейками. Истории эти случаются с богатырями. У каждого богатыря своя история, которой посвящена своя былина-старина. Иногда богатырю посвящено несколько былин. Больше всего былин об Илье Муромце — любимом народном герое. Но эти красочные, полнокровные сюжеты древнерусской жизни не могут надолго отвлечь от главной идеи нашего эпоса: Русь окружена вражескими ордами, она постоянно в бою, ее богатырям все время приходится отражать вторжения. Все отдельные былинные истории объемлет и объединяет общая для нашего

эпоса атмосфера борьбы за свою независимость. И в этой атмосфере каждому богатырю в его отдельной, особой истории дается выбор: на что употребить свою богатырскую силу. На частные, личные цели, на пустое удалство, как в случае Василия Буслаева, или посвятить эту силу служению общерусскому делу, защите родной земли, к чему постоянно призывает своих побратимов Илья Муромец. Этой нравственной мерой и определяется эпический герой наших былин. И когда приходит большая беда, которая грозит гибелью всему народу, нашествие несметных вражеских полчищ, богатыри собираются вместе, в единую богатырскую дружину, чтобы выйти на великое побоище, защитить Русь, сокрушить темную вражью силу.

* * *

Благослови же меня, Господи, старину сказать,
Старину сказать стару прежнюю,
Стару прежнюю да стародавнюю.

* * *

Еще я ли вам, братцы, старину скажу,
Старину скажу — старую, прежнюю,
Как у нас было во честном пиру,
Во честном пиру — во беседушке —
Во единый круг собиралися,
Собиралися — соезжалися,
Соезжалися все богатыри,
Они думали думу крепкую,
Думу крепкую, заединую.
Кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, — есаулом слыть?
Атаманом быть, знать, Ильюшеньке,
Ильюшеньке, знать, Муромцу;
Есаулом слыть, знать, Добрынюшке,
Добрынюшке, знать, Никитичу,
Подъесаулом слыть, знать, Алешеньке,
Алешеньке, знать, Поповичу.
Как возговорит, братцы, дружинишке,
Дружинишке Илья Муромец:
«Ой же гой еси, ты дружинишка,
Ты дружинишка моя хоробрая!
Уж поедем-ка мы в стольный Киев-град
Ко славному князю Владимиру,
Ко Владимиру Красно Солнышко».

*Старина первая. В мире рождается богатырь.
В природе потрясение. Все звери в страхе.
Закончилась их власть на земле.*

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Как из далéча, далéча, из чистá поля,
Из того было раздольица из широкого
Что не грозная бы туча накати́лась,
Что не буйные бы ветры подыма́лись, —
Выбегало там стадечко змеиное,
Не змеиное бы стадечко — звериное.
Наперед-то выбегает лю́тый Ски́мен-зверь.
Как на Скимене-то шерсточка буланая,
Не буланая-то шерсточка — булатная,
Не булатна на нем шерсточка — серебряна,
Не серебряная шерсточка — золóтая,
Как на каждой на шерстинке по жемчужинке,
Наперед-то его шерсточка sproкину́лась.
У того у Скимена рыло как остро копьe,
У того у Скимена уши — калены́ стрелы,
А глаза у зверя Скимена как ясны звезды.
Прибегает лю́тый Скимен ко Днепру-реке,
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, лю́тый Скимен, по-змеиному,
Засвистал он, вор-собака, по-соловьиному,
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеиного
Зелена трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от соловьиного
Темны леса ко сырой земле склонились;

От того было от рева от звериного
Быстрой Днепр-река всколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поравнялася,
Желты мелкие песочки осыпалися,
Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,
С крутых гор камни повалилися.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то народился могуч богатырь.

*Старина вторая. Чудесное рождение Волха
Всеславьевича. Богатырь-оборотень,
победитель Индийского царства.*

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в ту пору она понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.

А и на небе просиял светел месяц,
 А и в Киеве родился могуч богатырь
 Молодой Волх Всеславьевич.
 Задрожала сыра земля,
 Стрелося славно царство Индейское,
 А и синее море сколыбалося
 Для-ради рождения богатырского,
 Молода Волха Всеславьевича;
 Рыба пошла в морскую глубину,
 Птица полетела высоко в небеса,
 Звери в лесах разбежались,
 Туры да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисицы по чащицам,
 А волки, медведи по ельникам,
 Соболи, куницы по островам.
 А и будет Волх в полтора часа,
 Волх говорит, как гром гремит:
 «А и гой еси, сударыня матушка
 Молода Марфа Всеславьевна!
 А не пеленай во пелену червчатую,
 Пеленай меня, матушка,
 В крепки латы булатныя,
 А на буйну голову клади злат шелом,
 По праву руку — палицу,
 По леву — саблю вострую».
 А и будет Волх семи годов,
 Отдавала его матушка грамоте учиться,
 А грамота Волху в наук пошла;
 Посадила его уж пером писать,
 Письмо ему в наук пошло.
 А и будет Волх десяти годов,

Стал он учиться премудростям:
А и первой премудрости учился —
Обвертываться ясным соколом,
Другой-то премудрости учился он, Волх, —
Обвертываться серым волком,
Третьей-то премудрости учился Волх —
Обвертываться гнедым туром-золотыя рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх дружину прибирать,
Дружину прибирал три года,
Набрал тридцать молодцев без единого,
Сам тридцатым становится.
Сам он, Волх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
И прошел слух ко стольному городу Киеву:
Индейский царь снаряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град на щит взять,
А Божьи церкви на дым спустить,
И почестны монастыри разорить,
А Владимира Красна Солнышка под меч склонить.
А в ту пору Волх он догадлив был:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индейскому в поход пошел.
Дружина спит, так Волх не спит:
Обвернется он серым волком,
Бегал-скакал по темным лесам, по ра́менью,
Бил соболей, куниц, лисиц, зайцев;
Поил-кормил дружину свою хоробрую.
Дружина спит, так Волх не спит:
Обвернется он ясным соколом,

Полетел далече на сине море,
Бьет гусей-лебедей, серых уток.
Поил-кормил дружинишку хоробрую.
Говорит Волх дружине своей хороброй:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
А есть ли у вас таков молодец,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
Сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
А вся его дружина приклоняется,
Как бы лист со травую пристилается,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас такова молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславъевича».
Обвернулся Волх гнедым туром золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Первый скок за целу версту скочил,
Другой скок не могли найти.
Обвернется он ясным соколом,
Полетел ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царския,
Ко тому царю Индейскому
И на то окошечко косящето.
Слышит, царь с царицею разговор ведут.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славный Индейский царь

Салтык Ставрुльевич!
Изволишь ты снаряжаться на Русь воевать,
А про то не знаешь не ведаешь:
А и на небе засиял светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь —
Тебе царю супротивничек.
А ночесь спалось, во снах виделось:
Слетались во чистом поле
Ясен сокол да черный ворон,
Ясен сокол черна ворона повыклевал.
Ясен-то сокол — Волх Всеславьевич,
А черный-то ворон — ведь ты, царь, Салтык Ставрुльевич!»
А в ту пору Волх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящетою,
Он те-то речи да повыслушал,
Обвернулся он горностаюшком,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
Поскочил в горницу оружейную,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
Вострые сабли выщербливал,
Палицы булатные дугой согнул.
Обвернется Волх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Волх не спит.
Разбудил он удалых добрых молодцев:
«Гой еси вы, дружина хоробрая,
Не время спать, пора вставать.

Пойдем мы к царству Индейскому!»
И пришли они к стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железныя,
Крюки-засовы все крепкия,
Стоят караулы денны́-нощны́,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезаны,
А и только в вырезы мурашу пройти.
Тут все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися:
«А и как нам будет стену пройти,
Потерять нам понапрасну свои буйны головы».
Обвернулся Волх мурашиком
И всю дружину свою мурашиками обвернул.
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейском.
Всех обвернул Волх добрыми молодцами,
Со своею сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого и малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы себе по выбору
Душечки красны девицы!»
А и ходит дружина по царству Индейскому,
А и рубят старого и малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.

А сам он, Волх, во палаты пошел
Во те во палаты царския
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железныя,
Крюки-пробои по булату злѣчены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя ногу изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя —
Изломал все пробои булатныя.
Он берет царя за белы́ руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то, царей, не бьют не казнят».
Ухватя, ударил о кирпичат пол,
Расшиб во крохи говенныя.
И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну,
А и тут его дружина хоробрѣя
И на тех на дѣвицах переженилися.
И делил Волх злато-серебро,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сто тысячей.

*Старина третья. Волх Всеславьевич,
он же Вольга, встречает богатыря-пахаря
Микулу Селяниновича.*

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Воссияло солнце красное
На то ли на небушко на ясное,
Зарождался тут Вольга Всеславьевич.
Стал Вольга расти-матереть,
Учился Вольга премудростям:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,
Убегали все звери во темные леса.
Собирал себе Вольга дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам тридцатый становится.
Жаловал его родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольнокиевский
Тремя ли городами со крестьянами,
Первым городом Гурьевцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Собирается Вольга Всеславьевич
Со своей дружинушкой хороброю;
Сели на добрых коней, поехали,
Поехали они к городам за получкою.

Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали в чистом поле оратая,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают,
Оратай на лошадку покрикивает.
Едут день с утра до вечера,
Не могут до оратая доехати.
Они едут да и другой день,
Другой день с утра до вечера,
Не могут до оратая доехати.
В поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают.
Третий день едут до пабедья,
Наехали в чистом поле до оратая:
У оратая кобылка соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачек-то у сошки красна золота.
У оратая кудри качаются,
Скатным жемчугом рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Шилом пяты, носы востры,
Под пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Орет в поле оратай, покрикивает,
 С края в край бороздки пометывает,
 В край он уедет, другого не видать;
 Пенья-коренья вывертывает,
 А великие-то все каменья в борозду валит.
 Говорит ему Вольга Всеславьевич:
 «Божья помощь тебе, оратаюшко,
 Орать да пахать, да крестьянствовать,
 А бороздки тебе да пометывать,
 А пенья-коренья вывертывать,
 А большие-то каменья в борозду валить!»
 Говорит оратай таково слово:
 «Спасибо тебе, Вольга Всеславьевич!
 Мне Божья помощь да надобна
 Пахать, орать, да крестьянствовать.
 А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?» —
 «Еду я, Вольга, к городам за получкою,
 В Гурьевец, в Ореховец да в Крестьяновец».
 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 «Ай же ты, Вольга Всеславьевич!
 Там живут-то мужички да всё разбойнички,
 Они подрубят-то сляги калиновы,
 Да потопят дружину твою хоробрую
 В той ли реке во Смородине.
 Был я третьего дни в городе Гурьевце,
 Там эти вот мужички-разбойнички,
 С ножами стоят край дороженьки,
 Собирают гроши подорожные.
 Стали мужички с меня грошей просить;
 Дал я им гроши подорожные:
 Кто стоя стоит, тот сидя сидит,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru